

6 причин, почему я не куратор 6 Одесской биеннале

О неучастии в Одесской биеннале, художественной беспомощности и начальничьей крикливости.

Я пишу из позиции маргинальности и (само)исключения. У меня нет ресурсов, которые есть у институции. Все, чем я располагаю - это слово. И я отчаянно хочу чтобы мой голос был услышан. В каком-то смысле это путь диссидентства - по крайней мере, по отношению к городской культурной ситуации. За все хорошее, против всего плохого, да!

Я последовательно вкладывал свои силы и время в развитие Одесской биеннале, рассматривая это как многолетний проект. Но что же заставило меня остановиться?

Этот текст должен был появиться еще два года назад, ранней осенью 2017го.

Я не буду вдаваться в детали, скажу лишь, что причина моей медлительности состояла в наборе из наивного "культурного патриотизма" и боязни навредить становлению местной художественной среды - с одной стороны, и тягостного чувства безгливости - с другой. Однако сейчас, в то время, когда, наконец, объявлена тема новой, бой биеннале - молчание кажется мне неуместным.

У меня уже нет никакой возможности делать вид, что все идет по плану.

Я вижу, как Одесская биеннале становится похожей на обезумевшего завхоза, мечущегося по подведомственной территории, брызжущего пеной и потерявшего остатки понимания, что собственно на этой территории происходит. Под этой пеной, похоже, скоро скроются все начинания, проекты и линии развития, формировавшиеся на протяжении последних лет.

Одесская биеннале была и остается продуктом Музея современного искусства Одессы (МСИО), не являясь отдельным институциональным субъектом. Поэтому всякая инвектива в адрес биеннале является инвективой в адрес МСИО и наоборот. Руководство же музея и биеннале чаще всего представлено одним человеком, Семеном Кантором - директором МСИО.

Биеннале началась в 2009 году как невинное локальное событие, междусобойное времяпровождение одесских художников в спектре от экс-концептуалистов до консервативных пейзажистов, не претендующее ни на какое реальное культурное влияние (точнее, претензии могли озвучиваться декларативно, но скромнейший масштаб события говорил сам за себя).

Забавно, что на сайте биеннале ее история начинается с третьего выпуска.

Первые два как будто по умолчанию находятся вне серьезного разговора.

На биеннале, состоявшейся в 2013 году, произошел перелом - проект кураторов Мирослава Кульчицкого и Михаила Рашковецкого "Самоуправление" продемонстрировал намерение сделать Одессу "точкой на карте" международного художественного процесса. Верится, что еще придет время, когда усилия Кульчицкого по включению одесского искусства в интернациональную ситуацию будут оценены по достоинству.

В выпусках 2015 и 2017 года, состоявшихся уже после ухода Мирослава Кульчицкого (1970-2015), тенденция к формированию проекта, космополитического по форме и по духу, но в тоже время связанного с местной социальной тканью, постепенно терялась.

Сегодня история биеннале входит в новый период.

На мой взгляд, важно выделить опасную тенденцию последних лет, свойственную не только Одессе, но и Украине в целом: вместо институций, верных изначально заявленной функции,

вписанной в само название музея, центра современного искусства или биеннале, нам предлагают кукольные образования, присваивающие себе громкие имена. Украинские постсоветские «институты» «музеи» и «биеннале» современного искусства пытаются встраивать свой имитационный продукт в глобальные каналы коммуникации, что в конечном счете приводит к полной изоляции и исключению Украины из актуальных процессов. Кто будет иметь дело с институцией, чья коммуникация с внешним миром идет через гугл-переводчик?

Пару институций, чья практика соответствует заявленной миссии, в Украине есть - например, Центр Визуальной Культуры в Киеве, который работает с болезненными социальными и политическими проблемами, соединяя искусство с активизмом и академическим знанием. Однако, речь пойдет о регионах.

Предложение курировать шестую Одесскую биеннале я получил от директора МСИО Семена Кантора еще во время пятой. А стремление участвовать в организации не оставляло меня долгое время после нее. Но процессы, шедшие в организующем биеннале музее, заставили меня пересмотреть мою готовность.

Я бы хотел обозначить ключевые факторы, которые послужили причиной моего отказа:

1. Непрозрачность

Функционирование культурных институций в Украине зачастую происходит по большей части в серой зоне. Однако, в случае с Одессой масштабы просто катастрофичны. За 10 лет своего существования биеннале не зарегистрирована как организация, и управляется с помощью различных бюрократических трюков, совершенно незаметных на фасаде события.

В этой структуре непрозрачно абсолютно все - бюджет, стратегия, принцип отбора кураторов, участников и прочее и прочее. Хотелось бы задать тебе, художник/художница или куратор/кураторка, вопрос: согласишься ли ты с тем, чтобы все структурные, бюджетные, да вообще все возможные решения в институции, с которой ты имеешь дело, принимал единолично один человек? Ни наблюдательного совета, ни отделов, которые бы специализированно занимались хранением фондов, стратегиями развития музея, исследовательской работой, выставочной деятельностью - ничего.

Процедуры отбора кураторов не существует, выбор хаотичен, ситуативен, и строится на подковерных играх. Назначению бельгийской кураторки предшествовал ряд тихих отказов со стороны тех, к кому по очереди обращался директор музея. Такой “отбор” прошла едва ли не большая часть из немногочисленного круга украинских кураторов и кураторок. Их отказы были отсутствием возможности диалога с дирекцией биеннале - попросту потому, что дирекции как таковой не было. Единственным собеседником был сам директор, границы профессионализма которого сразу становились слишком ясны.

2. Цензура

Монополия в управлении расширяет возможности для цензуры, прецеденты уже были - сложности показа работ Давида Чичкана на биеннале 2017 года (куратору выставки пришлось сопротивляться директорскому вмешательству) или цензура работ Ивана Базака одесскими муниципальными чиновниками, состоявшаяся на немецкой выставке в МСИО в 2018, которую музей даже не попытался оспорить. Заявки, присланные на open call проходили модерацию лично директором МСИО. Да и в новом open call указан директорский электронный адрес. Есть ли сомнения в том, что сохраняя ту же организационную модель, эта институция сменит политику в отношении цензуры? Едва ли.

3. Популизм

Все эти “100 художников”, “европейские кураторы” и другие соблазны из анонсов биеннале - в реальности выглядят более чем скромно. По большей части это потемкинские деревни. Одесская биеннале планомерно пытается выдать себя за событие совершенно другого масштаба, чем является на самом деле. Институция неуверенно пытается имитировать доступные ее взгляду шаблоны, применяя методики управления подпольным цехом по производству сувениров.

Зато порой ее начальство демонстрирует собственную изрядную креативность - вроде предложения пригласить джазовых музыкантов “сыграть что-нибудь про турбулентность” на открытии биеннале “Турбулентность”.

4. Токсичность

Впасть в немилость у руководства МСИО не представляет труда. Систематическое разрушение коллектива и усердное втоптывание бывших сотрудников в грязь стали нормой жизни музея. При этом у директора музея налицо дефицит компетентности в вопросах современного искусства - носители же профильных компетенций остаются со связанными руками, тратя большую часть сил и времени на объяснение директору вещей, в профессиональной среде являющихся самоочевидными. Но зато директор не прочь иногда в последний момент включить в программу биеннале произведение или событие “от себя”. Попросту потому что может себе позволить.

5. Игнорирование локальной ситуации

Какой смысл повторять выставку двухлетней давности и везти ее из Брюсселя? Ведь это не ретроспектива Марселя Бротарса.

Конечно, всегда можно сказать: мы же добавили украинских художников, у нас будут спецпроекты и даже образовательная программа! Но пока что одесская реплика выставки из [BOZAR](#) уже была проанонсирована, а украинская составляющая еще будет к ней пришита - в зависимости от того, что удастся наловить в оставшийся до открытия период.

Предполагаю, что на Одесской биеннале не случится упоминаний о правом повороте, разгромленных ромских таборах, о гражданском противостоянии вокруг "одесского 2 мая" и и многих других острых проблемах региона. Зато, вероятнее всего, будет вишенка на торте - в виде прикормленного нового "[Салона отверженных](#)" в каком-нибудь из залов Одесского художественного музея.

И здесь возникает еще один немаловажный вопрос: что дает локальной сцене, городу такой подход к созданию биеннале? Создает ли Одесская биеннале сеть профессиональных контактов, влияющих на художественную жизнь города между биеннальными выпусками? Приглашают ли потом приехавшие кураторы одесских художников в свои проекты? Проявляют ли приехавшие художники желание в дальнейшем работать с одесскими институциями? Появляются ли рецензии на Одесскую биеннале в международной художественной прессе? Берут ли одесские издания интервью у международных авторов,

приехавших в город во время биеннале? Последний риторический вопрос относится все к той же проблеме коммуникации Одесской биеннале со внешним миром через гугл-переводчик.

По сути, имеет место разовый скудный салют, дым от которого исчезает уже через четверть часа. Приехав раз и покрутившись на месте пару недель любой профессионал покинет Одессу и вспомнит об этом опыте лишь как о страшном сне. Так в чем же цель проведения этого события?

6. Непрофессионализм

Долгое время я не поддерживал идею бойкота Одесской биеннале, напротив, приложил максимум усилий к тому, чтобы нейтрализовать негативный ореол вокруг этого проекта. Однако, пройдя через многолетний опыт сотрудничества с горе-институцией я могу наконец заявить: never again!

Одесская биеннале снова и снова совершает шаги, невозможные в профессиональном поле. Снова и снова находит оправдания. Снова и снова наступает на те же грабли.

Все многочисленные особенности Одесской биеннале - от авторитарного некомпетентного управления до лезущей изо всех щелей халтуры как-то закрывающихся раньше времени спецпроектов, неузнаваемо изменившихся при монтаже работ или не соответствующей реальному характеру "продукта" рекламы - формируют ее роль как одного из самых дилетантских художественных форумов постсоветского пространства, претендующих на международность.

Я не осуждаю коллег, принявших приглашение, однако нужно четко понимать, что стоит за их решением в пользу биеннале. Если бы я был молодым украинским художником, то, определенно, чувствовал бы себя загнанным в угол, вычеркивая еще одну институцию из короткого списка оставшихся в городе и в стране. Однако, на мой взгляд, это единственный возможный способ реагирования в сложившейся ситуации.

Ну и говоря о политике одесской биеннале, не могу не упомянуть один замечательный фильм, снятый, кстати, в Одессе. Это «7 дней с русской красавицей».

Только почитайте синопсис:

Фурич, авантюрист новой волны, владелец «липового» туристического агентства, приглашает посетить Россию пятерых иностранцев — из Америки, Израиля, Италии, Японии и Африки. Он предлагает «дорогим гостям» специальный тур по маршруту Москва-Петербург-Бухара-Одесса. Вся эта затея нужна Фуричу для одного — получить от инвестора три миллиона долларов и сбежать за границу. Эти деньги он может получить только при одном условии: иностранные туристы должны дать положительные интервью крупнейшим телекомпаниям мира. Фурич во имя «великой» идеи пускается «во все тяжкие»: шантажирует победительницу конкурса «Русская красавица», обманывает простых граждан и военнослужащих, использует фальшивые документы и даже пытается убить горе-туристов...

Вместо эпитафии:

В конце 2017 года, через несколько месяцев после окончания 5ой биеннале, находясь в Берлине я встретился с куратором Documenta14 Адамом Шимчиком и предложил ему стать куратором следующей Одесской биеннале. Он отказался. Как в воду глядел.

P. S. Я нахожусь в довольно щекотливом положении. На 24 февраля в Музее современного искусства Одессы назначено открытие проекта SWAP – серии резиденций для украинских и британских художников, в одной из которых я принял участие в прошлом году. В данном случае, музей является арендодателем, предоставляя площадку для этой выставки, и не имеет права вмешиваться в программную часть. С интересом жду, повлияет ли на мое участие этот текст.

Николай Карабинович.

Гент,

20 января 2019